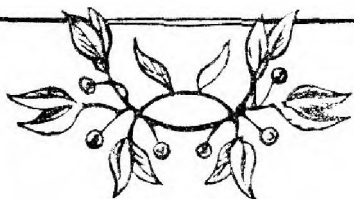

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

•
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

A small, symmetrical decorative flourish consisting of two curved lines meeting at a point, resembling a stylized arrow or a wing.

A decorative flourish consisting of a central scroll-like element with two symmetrical wings or flourishes extending outwards, positioned above a horizontal line.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

А. С. Пушкин

О БОГАТСТВЕ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Как материал словесности, язык славяно-русской имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей.

1825. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен
И. А. Крылова. Соч., т. XI, стр. 31.*

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОБ УСТОЙЧИВОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Г. Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблями и пожарами, но собственным обилем и превосходством. Как же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Их нашествие не оставило никаких следов в языке образованных китайцев, и предки наши, в течение двух веков стоя под татарским игом, на языке родном молились русскому богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сегования. Таковой же пример видели мы в новейшей Греции. Какое действие имеет на

* А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 томах. Изд. АН СССР, 1937. Все ссылки, кроме одной, особо оговоренной, по этому изданию.

порабощенный народ сохранение его языка? Рассмотрение сего вопроса завлекло бы нас слишком далеко. Как бы то ни было, едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык. Войны литовские не имели также влияния на судьбу нашего языка; он один оставался неприкосновенною собственностью несчастного нашего отечества.

В царствование Петра I начал он приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то время покровительствуемых государями и вельможами; к счастью, явился Ломоносов<...>

Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия,<...> и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка<...>

Слог его, ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным. Вот почему предложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему<...>

Упомянув об исключительном употреблении французского языка в образованном кругу наших обществ, г. Лемонте столь же остроумно, как и справедливо, замечает, что русский язык чрез то должен был непременно сохранить драгоценную свежесть, простоту и, так сказать, чистосердечность выражений. Не хочу оправдывать нашего равнодушия к успехам отечественной литературы, но нет сомнения, что если наши писатели чрез то теряют много удовольствия, по крайней мере язык и словесность много выигрывают.

*О предисловии г. Лемонте к переводу басен И. А. Крылова.
Соч., т. XI, стр. 32—33.*

О СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ ЯЗЫКА

Если все уже сказано, зачем же вы пишете? чтобы сказать красиво то, что было сказано просто? жалкое занятие! нет, не будем клеветать разума человеческого — неистощимого в соображениях понятий, как язык неистощим в соображении слов.¹

*1827. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям».
Соч., т. XI, стр. 59.*

...разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности.

1836. «Об обязанностях человека». Сочинения Сильвио Пеллико. Соч., т. XII, стр. 100.

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности.

1827. Отрывки из писем, мысли и замечания. Соч., т. XI, стр. 52.

Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы.

1828. Письмо к издателю «Московского Вестника». Соч., т. XI, стр. 66.

Кстати о грамматике. Я пишу *цыганы*, а не *цыгане*; *татаре*, а не *татары*. Почему? потому что все им<ена> сущ<ествительные>, кончающиеся на *анин*, *янин*, *арин* и *ярин*, имеют свой род<ительный> во множ<ественном> на *ан*, *ян*, *ар* и *яр*, а им<енительный> множ<ественного> на *ане*, *яне*, *аре* и *яре*. Все же сущ<ествительные>, конч<ающиеся> на *ан* и *ян*, *ар* и *яр*, имеют во множ<ественном> им<енительный> <на> *аны*, *яны*, *ары* и *яры*, а род<ительный> на *анов*, *янов*, *аров*, *яров*. Единственное исключение: имена собственные. <...>

Иностранные собств<енные> им<ена>, кончающиеся на *е*, *и*, *о* *у*, не склоняются. Кончающиеся на *а*, *ъ* и *ь* склоняются в мужеском роде, а в женск<ом> нет, и против этого многие у нас погрешают. Пишут: книга, сочиненная Гетем и проч.

Как надобно писать: *турков* или *турок*? то и другое правильно. *Турок* и *турка* равно употребительны.

Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо):

1. останавлил взор на отдаленные громады
2. на теме гор (темени)
3. воли вместо выли
4. был отказан вместо ему отказали
5. игумену вместо игумену

Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место. Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет г. ***.

Многие пишут *юпка, сватьба* вместо *юбка, свадьба*. Никогда в производных словах *т* не переменяется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говорим *юбочница, свадебный*.

Пишут: *тѣлега, телѣга*. Не правильное ли: телега (от слова телец — телеги запряжены волами)?

1830. *Опровержение на критики*. Соч., т. XI, стр. 147—148.

Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи.²

1833. *Заметки и афоризмы разных годов*. Соч., т. XII, стр. 180.

Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого.

1836. *Российская Академия*. Соч., т. XII, стр. 43.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

НАРОДНЫЙ ЯЗЫК — ОСНОВА И ИСТОЧНИК ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРНОГО

Не решу, какой словесности отдать <предпочтение>, но есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки — и проч.

1822(?). Из *чернового плана статьи «О французской словесности»*. Соч., т. XII, стр. 192.

...Людская молвь и конский топ

Выражение сказочное (Бова Королевич).

Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтоб видеть свойства русского языка.

Как приятно будет читать <роп вм. ропот, топ вм. топот> и проч.> На сие замечу моему критику, что роп, топ и проч. употребляются простолюдинами во многих рус<ских> губерниях. НВ мне случилось также слышать стукот вместо стук.³

1828(?). Из *черновой статьи «Возражение на статью Атеняя»*. Соч., т. XI, стр. 72.

Некоторые стихотворческие вольности: после отрицательной частицы *не* — винит<ельный>, а не родительный падеж; *времен* вместо *времен* (как например у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владимира *времен*.)

приводили критика моего в великое недоумение. Но более всего раздражил его стих:

Людскую мольву и конский топ.

«Так ли изъясняемся мы, учившиеся по старым грамматикам, можно ли так коверкать русский язык?» — Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в «В<естнике> Евр<опы>». *Мольва* (речь) слово коренное русское. *Топ* вместо *топот* столь же употребительно, как и *шип* вместо *шипение* * (следств<енно> и *хлоп* вместо *хлопанье* вовсе не противно духу русского языка). На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки:

«И вышел он за врата градские, и услышал конский топ и людскую мольву». Бова К<оролевич>.

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают.

1830. Опровержение на критики. Соч., т. XI, стр. 146—147.

Разговорный язык простого народа (не читающего иностр<ан>ных книг и, слава богу, не выражающ<его>, как мы, своих мыслей на фр<анцузском> языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирам. Они говорят удивительно чистым и правильным языком.

Там же, стр. 148—149.

СООТНОШЕНИЕ РАЗГОВОРНОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКОВ

Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения *сей* и *он* **, но и причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета скачущая по мосту, слуга метущий комнату; мы говорим: которая скачет, который метет и пр., — заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом. Из того еще не следует, что в русском языке причастие должно быть уничтожено. Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка.

1835. Письмо к издателю. Соч., т. XII, стр. 96.

* Он шип пустил по зменному. Др<евние> русск<ие> стихотв<оре>ния>

** Впрочем мы говорим: в сию минуту, сей час, по сию пору и проч.

ЗА САМОБЫТНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются — 1) общее употребление фр<анцузского> языка и пренебрежение русского — все наши писатели на то жаловались, — но кто же виноват, как не они сами. Исключая тем, которые занимаются стихами, русский язык ни для кого не может быть довольно привлекателен — у нас еще нет ни словесности, ни книг, * все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гарм<онии>, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка ⁴ у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны.

1824. Из чернового наброска заметки «О причинах замедливших ход нашей словесности». Соч., т. XI, стр. 21.

...Я шлюсь на вас, мои поэты;
Не правда ль: милые предметы
Которым, за свои грехи,
Писали втайне вы стихи,
Которым сердце посвящали,
Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?

...Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

1824. Евгений Онегин, глава третья, строфы XXVI, XXVII.
Соч., т. VI, стр. 63.

Сейчас прочел твои замечания на замечания Дениса на замечания Наполеона — чудо-хорошо! Твой слог, живой и оригинальный, тут еще живее и оригинальнее. Ты хорошо сделал, что засту-

* ...в стране моей родной
журналов <тысячи, а книги ни одной>
Согласен с последним полустижием.

пился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться на подобии французского (ясного точного языка прозы, т. е. языка мыслей). Об этом есть у меня строфы три и в *Онег<ине>*.

Из письма к П. А. Вяземскому 13 июля 1825 г.
Соч., т. XIII, стр. 187.

Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический Словарь.

1823. Евгений Онегин, глава первая, строфа XXXI.
Соч., т. VI, стр. 16.

В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному<...>

У нас это время, слава богу, еще не пришло, так называемый язык богов <так> еще для нас нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами. Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем. Опыты Жук<овского> и Катен<ина> были неудачны, не сами по себе, но по действию, ими произведенному. Мало, весьма мало людей поняли достоинство переводов из Гебеля, и еще менее силу и оригинальность Убийцы, баллады, которая может стать наряду с лучшими произведениями Бюргера и Саувея. Обращение убийцы к месяцу, единственному свидетелю его злодеяния

Гляди, гляди, плешивый —

стих, исполненный истинно трагической силы, показался только смешон людям легкомысленным, не рассуждающим, что иногда ужас выражается смехом. Сцена тени в Гамлете вся писана шутивым слогом, даже низким, но волос становится дыбом от Гамлетовых шуток.

1828. Из чернового наброска статьи «О поэтическом слоге».
Соч., т. XI, стр. 73.

...Избегайте ученых терминов; и старайтесь их переводить, т. е. перефразировать; это будет и приятно исучам и полезно нашему младенствующему языку.⁶

*Из письма Н. В. Киреевскому от 4 февраля 1832 г.
Соч., т. XV, стр. 9.*

Только революционная голова, подобная Мир<або> и Пет<ру>? может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык.

Все должно творить в этой России и в этом русском языке.
1823. Заметки и афоризмы разных годов. Соч., т. XII, стр. 178.

О ТВОРЧЕСКОЙ СМЕЛОСТИ И НОВАТОРСТВЕ ХУДОЖНИКА

Разбойников я сжег — и по делю. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского, если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц Пол<ярной> Зв<езды>, то напечатай его.⁷

*Из письма к А. А. Бестужеву, 13 июня 1823 г.
Соч., т. XIII, стр. 64.*

Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и фр<анцузской> утонченности. Грубость и простота более ему пристали.

*Из письма к П. А. Вяземскому, декабрь 1823 г.
Соч., т. XIII, стр. 60.*

Есть различная смелость: Державин написал: «орел на высоте паря», когда счастье «тебе хребет свой с грозным <смехом> повернуло, ты видишь, видишь, как мечты сиянье вокруг тебя загнуло».

Описание водопада:

Алмазна сыплется гора
С высот и проч.

Жуковский говорит о боге:

Он в дым Москвы себя облек

Крылов говорит о храбром муравье, что

Он даже хаживал один на паука.

Кальдерон называет молнии огненными языками небес, глаголющих земле. Мильтон говорит, что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней.

Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и картины поэтические.

Французы доньше еще удивляются смелости Расина, употребившего слово *равё*, помост. <...>

И Делиль гордится тем, что он употребил слово *vasche*. Презренная словесность, повинующаяся таковой мелочной и свое нравной критике. — Жалка участь поэтов (какого б достоинства они впрочем ни были), если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса!

Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию — такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a, Гете в «Фаусте», Молиера в «Тартюфе».

1827. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслей и замечаниям».
Соч., т. XI, стр. 60—61.

Если наши чопорные критики сомневаются, можно ли дозволить нам употребление риторических фигуров и тропов, о коих они могли бы даже получить некоторое понятие в предуготовительном курсе своего учения, что же они скажут о поэтической дерзости Кал<ьдерона>, Шекспира или нашего Державина. Что скажут они о Потемкине сего последнего,

который взвесить <смел>
Дух Россон, мощь Екатерины,
И опершись на них хотел
Воз<нести твой гром на те стремнины,
На коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал>?

Или о войне, который

Поникнул лаврозою главою.

Люди, выдающие <себя> за поборников старых грамматик, должны были бы по крайней <мере> иметь школьные сведения о грамматиках и риториках — и иметь хоть малое <понятие> о свойствах русского языка.

1828(?). Из черновой статьи «Возражение на статью „Атеней“».
Соч., т. XI, стр. 72.

...Без грамматической ошибки⁹
Я русской речи не люблю.

<.....>
Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей
Попрежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей

1824. Евгений Онегин, глава третья строфы XXVIII, XXIX.
Соч., т. VI, стр. 64.

Если б Недоросль, сей единственный памятник народной сатиры, Нед<оросль>, которым некогда восхищалась Ек<атерина>, и весь ее блестящий двор, если б Н<едоросль> явился

в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Ф. Визина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку *каналъей* и *собачьей дочерью*, а себя сравнивает с *сукою* (!) «Что скажут дамы! — воскликнул бы критик, — ведь эта комедия может попасться дамам!» — В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа, сии с дамами! Где бы, как бы послушать!

В «В<естнике> Евр<опы>» с негодованием говорили о сравнении Нулина с котом, цапцарапствующим кошку (забавный глагол: цапцарапствую, цапцарапствуюсь, цапцарапствует). Правда во всем Графе Нулине этого сравнения не находится, так же как и глагола цапцарапствую; но хоть бы и было, что за беда?

Слова *усы*, *визжать*, *вставай*, *рассветает*, *ого*, *пора* казались критикам *низкими*, *бурлацкими*; [низкими словами я, как В<ильгельм> К<юхельбекер> почитаю те, которые подлым образом выражают какие-нибудь понятия; например, нализаться вместо напиться пьяным и т. п.] но никогда не пожертвую искренностию и точностию выражения провинциальной чопорности и боязни казаться простонародным, славянофилом и т. п.

1830. Опровержение на критики. Соч., т. XI, стр. 155, 157, 159.

В журналах осуждали слова: *хлоп*, *молвь* и *топ* как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. «Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ» (*Сказка о Бове Королевиче*). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопанье*, как *шип* вместо *шипение*:

Он шип пустил по зменному,
(Древние русские стихотворения)

Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка.

1830. Из примечаний к роману «Евгений Онегин». Соч., т., VI, стр. 193—194.

...Прочел ее два раза духом. Ура! — я было, признаюсь, боялся, чтоб первое впечатление не ослабело потом; но нет я все-таки при том же мнении: Марфа имеет европейское, высокое достоинство. Я разберу ее как можно пространнее. Это будет для меня изучение и наслаждение. Одна беда: слог и язык. Вы неправильны до бесконечности. И с языком поступаете, как Иоани с Новым-городом. Ошибок грамматических, противных духу его усечений, сокращений — тьма. Но знаете ли? и эта беда не беда. Языку нашему надобно воли дать более — (разумеется, сообразно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность.⁹

Из письма к М. П. Погодину. Последние числа ноября 1830 г.
Соч., т. XIV, стр. 128.

БОРЬБА ПРОТИВ «САЛОННОГО ЯЗЫКА» КАРАМЗИНИСТОВ,
ПРОТИВ «СЛАВЯНЩИНЫ» ШИШКОВИСТОВ¹⁰

Сперва хочу с тобою побораться; как тебе не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина...

Из письма к Л. С. Пушкину 24 января 1822 г.
Соч., т. XIII, стр. 35.

...Что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут *дружба* — не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать: рано поутру — а они пишут: Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба — ах как это все ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее.

Читаю отчет какого-нибудь любителя театра — сия юная питомица Талин и Мельпомены, щедро одаренная Апол... боже мой, да поставь — эта молодая, хорошая актриса — и продолжай — будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо не скажет.

Презренный зоил, коего неусыпная зависть изливает усыпительный свой яд на лавры русского Парнаса, коего утомительная тупость может только сравниться с неустойчивой злостью... боже мой, зачем просто не сказать *лошадь*; не короче ли — г-н издатель такого-то журнала<...>

Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат.

1822. Из чернового наброска статьи «О прозе».
Соч., т. XI, стр. 18—19.

На каком основании начал свои действия дедушка Шишков? Не запретил ли он *Бахчис<арайский> фонтан* из уважения к святыне Академического словаря и неблазненно составленному слову *водомер*?

Из письма к Л. С. Пушкину 13 июня 1824 г.
Соч., т. XIII, стр. 98.

Иже не ври же, его же не пригоже. Насмешка над книжным языком: видно и в старину острялись насчет славенизмов. *

1825. Из черновика записей «Старинные пословицы и поговорки».
Соч., т. VII, стр. 533.

Давно ли стали мы писать языком общепонятным? Убедились ли мы, что славенский язык не есть язык русский и что мы не

* Ссылка дается по VII тому, стр. 533 десятитомного издания Собрания сочинений А. С. Пушкина в издании АН СССР. М.—Л., 1950. А. Д.

можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать *да лобжет мя лобзанием* вместо *цалуй меня* etc..

1833—1834. Путешествие из Москвы в Петербург, вариант к главе «Ломоносов». Соч., т. XI, стр. 226.

ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА, ЗА ЯСНОСТЬ И ТОЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ

Руслан напечатан исправно, ошибок нет, кроме *свежий сон* в самом конце. Не помню, как было в рукописи, но *свежий сон* тут смысла не имеет. К <авказский> Пленник иное дело.

Остановляя он долго взор — должно: вперял он неподвижный взор. *Живи — и путник оживает* — Живи — и пленник оживает. *Пещеры темная прохлада — влажная*. И вдруг на *домы дождь* и град — *доны*. В чужой аул *ценою злата* — за много злата (впрочем как хочешь).

Не много радостных *ей дней*
Судьба на долю *ниспослала*.

Зарезала меня цензура! я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать *ей дней* в конце стиха. Ночей, ночей — ради Христа, *ночей Судьба на долю ей послала*. То ли дело. *Ночей*, ибо днем она с ним не видалась — смотри поэму. И чем же ночь неблагопристойнее дня? которые из 24 часов именно противны духу нашей цензуры? Бируков добрый малой, уговори его или я слягу.

На *смертном поле* свой бивак

У меня прежде было *У стен Парижа*. Не лучше ли, как думаешь? *верил я надежде И уповательным мечтам*. Это что? *Упоительным мечтам*. Твоя от твоих: помнишь свое прелестное послание Давыдову? Да вот еще два замечания, в роде Антикритики. 1) *Под влажной буркой*. Бурка не промокает и влажна только сверху, следственно можно спать под нею, когда нечем иным накрыться — а сушить нет надобности. 2) *На берегу заветных вод*. Кубань — граница. На ней караути, и строго запрещается казакам переезжать *об' он' пол*¹¹.

Из письма к П. А. Вяземскому 14 октября 1823 г.
Соч., т. XIII, стр. 69.

Конечно ты прав, и вот тебе перемены.

Язвительные лобзания напоминают тебе твои...? поставь *пронзительных*. Это будет ново. Дело в том, что моя Грузинка кусается, и это непременно должно быть известно публике...

...Но верой матерей
Была твоя...

если найдешь удачную перемену, то подари меня ею; если ж нет, оставь так, оно довольно понятно. Нет ничего легче поставить *Равна, Грузинка, красотою, но инка кр...* а слово Грузинка тут необходимо — впрочем делай, что хочешь<...>

Как бишь у меня? *Вперял он неподвижный взор?* Поставь *любопытный*, а стих все-таки калмыцкий.

Из письма к П. А. Вяземскому 1—8 декабря 1823 г.
Соч., т. XIII, стр. 80—81.

Правдоподобие положений и правдивость диалога — вот истинное правило трагедии<...>

Существует еще такая замашка: когда писатель задумал характер какого-нибудь лица, то что бы он ни заставлял его говорить, хотя бы самые посторонние вещи, все носит отпечаток данного характера (таковы педанты и моряки в старых романах Фильдинга). Заговорщик говорит: *Дайте мне пить*, как заговорщик — это просто смешно. Вспомните Озлобленного у Байрона (*ha pagato*) * — это однообразие, этот подчеркнутый лаконизм, эта непрерывная ярость, разве все это естественно? Отсюда эта принужденность и робость диалога. Вспомните III <експира>. Читайте Шекспира, он никогда не боится скомпрометировать своего героя, он заставляет его говорить с полнейшей непринужденностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежащую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык соответствующий его характеру.

Из чернового письма Н. Н. Раевскому-сыну (после 19 июля) 1825 г.
Соч., т. XIII, стр. 541.

Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, но кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807-го года на славяно-росском. И нет над тобою как бы некоего Шишкова или Сергея Глинки, или иной няни Василисы, чтоб на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах. Благодарю очень за Водопад. Давай мутить его сейчас же.

...с гневом
Сердитый влаги властелин —

Вла Вла звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать о молнии *властительница небесного огня*? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Перемени как-нибудь, валяй его с каких-нибудь *стремнин, верцин* и тому подобное.

2 <строфа> прелесть! — Дождь брызжет от (такой-то) сшибки

Твоих междущобных волн

* он заплатил.

Междуусобный значит *mutuel*, но не включает в себе идеи брани, спора — должно непременно тут дополнить смысл.

5-ая и 6-ая строфы — прелестны.

Но ты питомец тайной бури.

Не питомец, скорее родитель — и то не хорошо — не соперник ли? *тайной*, о гремящем водопаде говоря, не годится — о буре физической — также. *Игралище глухой войны* — не совсем точно. *Ты не зеркало* и проч. Не яснее ли и не живее ли: *Ты не приемлешь их лазури* etc. Точность требовала бы *не отражаешь*. Но твое повторение *ты*, тут пужно.

Под грозным знаменьем etc. *Хранишь* etc, но вся строфа сбивчива. Зародыш непогоды в водопаде: темно. Вечно-бьющий *огонь*, тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу?

Ворвавшись — чудно-хорошо. *Как средь пустыни* etc. Не должно тут двойным сравнением развлекать внимания — да и сравнение не точно. *Вихорь* и *пустыню* уничтожь-ка — посмотри, что выйдет из того:

Как ты, внезапно разгорится.

Вот видишь ли? Ты сказал об водопаде *огненным* метафорически, т. е. *блистающий, как огонь*, а здесь уж переносишь к жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь как нельзя хуже, но ты понимаешь меня). Итак, не лучше ли:

Как ты, *пустынно* разразится.

etc, а? или что другое — но *разгорится* слишком натянуто.¹²

Из письма к П. А. Вяземскому 14 и 15 августа 1825 г.
Соч., т. XIII, стр. 209—210.

...прочел Духов, сперва про себя, а потом и вслух. Нужна ли тебе моя критика? Нет! не правда ли? все равно; критикую:

...*Сир* слово старое. Прочтут иные *сыр* etc — очень мило и дельно. От жеманства надобно нас отучать. — Пас стада главы моей (вшей?). Впрочем везде, где поэт бредит Шекспиром, его *легкое воздушное творенье*, речь Ариеля и последняя тирада, — прекрасно. О стихосложении скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выражения не всегда точно-русские — например, слушать *в оба уха*, *брось* вид угрюмый, *взгляд унылый*, молодец ретивый, сдернет чепец на старухе etc.¹³

Из письма к В. К. Кюхельбекеру 1—6 декабря 1825 г.
Соч., т. XIII, стр. 247—248.

Ты напрасно не поправил в Олеге *герба России*. Древний герб, с <вятой> Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во времена Иоанна III. Не прежде. Летописец просто говорит: *Таже повеси щит свой на вратах на показание победы*.¹⁴

Из письма к К. Ф. Рылееву. Вторая половина мая 1825 г.
Соч., т. XIII, стр. 175—176.

В 4 к<ниге> «Аф<енея>» напечатан разбор 4-й и 5-й главы «Онег<ина>» <...>критик ошибся, указывая на некоторые погрешности противу языка и смысла. И я решился объяснить ему правила грамматики и риторики не столько для собственной его пользы, как для назидания молодых словесников.

Время, след<ственно> Державин ошибся сказав: «Глагол времен».

Но Б<атюшков>, который, впрочем, ошибался почти столь же часто, как и Д<ержавин> сказал:

То древнюю <Русь> и нравы
Владимира время.

Что звук пустой вместо подобно звуку, как звук. — В поле етс. Частица что вместо грубого как употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет [его].

1828. Из черновой статьи «Возражение на статью „Атеней“».
Соч., т. XI, стр. 70—71.

Боярская дума изображена холодно. Можно заметить два-три легких анахронизма и некоторые погрешности противу языка и костюма. Например, новейшее выражение: *столбовой дворянин* употреблено в смысле человека знатного рода (*мужа честна*, как говорят летописцы); *охотиться* вместо: *ездить на охоту, пользо-вать* вместо *лечить*. Эти два последние выражения не простонародные, как видно, полагает автор, но просто принадлежат языку дурного общества. *Быть в ответе*, значило в старину: *быть в посольстве*. Некоторые пословицы употреблены автором не в их первобытном смысле: *из сказки слова не выкинешь* вместо *из песни*. В песне слова составляют стих, и *слова не выкинешь*, не испортив *склада*; сказка — дело другое.

1830. Из заметки-рецензии на роман М. Загоскина
«Юрий Милославский или русские в 1612 г.»
Соч., т. IX, стр. 93.

ТЕКСТ «ОПЫТОВ»

На де ж да (стр. 9—10)

Все дар его: и краше всех
Даров, Надежда лучшей жизни!

На развалинах замка
в Швеции (стр. 11—18)

...Ах, юноша! спеши к отеческим берегам, вяло.

Назад лети с добычей бранной;
Уж веет кроткий ветер во след твоим судам,
Герой, победою избранный...

ЗАМЕТКИ ПУШКИНА

Точнее бы *Вера*

Неудачный перенос

Красавица стоит безмолвствуя, в слезах,
Едва на жениха взглянуть украдкой смеет,
Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет,
Как месяц в небесах...

Вот стихи прелестные, собственно Батюшкова — вся строфа прекрасна.

Где вы, отважные толпы богатырей
Вы, дикие сыны и брани и свободы...

живо, прекрасно.

Элегия из Тибулла
(стр. 19—20)

*О вы, которые умеете любить,
Страшитесь любовь разлукой прогнать!*

Вяло.

Воспоминание (стр. 27—29)

*...На смерть летя против врагов
...Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию ужасную минуту,
Когда, болезнь вкушая люту...*

слабо

Неудачный оборот и дурные стихи.

Воспоминания (стр. 30—32)

Средь бурей жизни и недуг

бурь, недугов

Выздоровление (стр. 33—34)

Как ландыш под серпом убийственным
жнеца

Склоняет голову и вянет

Не под серпом, а под косою: ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных.

Мщение. Из Парни (стр. 35—38)

Ты здесь, подобная лилее белоснежной,
Взлелеянной в садах Авророй и весной,
Под сенью безмятежной,
Цвела невинностью близ матери своей.

И у Парни это место дурно, у Батюшкова хуже. Любость не изъясняется пошлыми и растянутыми сравнениями.

Таврида (стр. 68—70)

Весна ли красная блистает средь полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль урну хладную вращая, Водолей
Валит шумящий дождь, седой туман и
мраки...

Любимые стихи Батюшкова самого.

Приписка под стихотворением:

По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения — лучшая элегия Батюшкова.

П л е н н ы й (стр. 86—90)

...Покрытый в зиму ярким снегом!..

...Где ждет меня *краса*

...И под окном, в *часы вечерни*...

Гезиод и Омир — соперники
(стр. 93—100)

Народы, как волны, в *Колхиду* текли.

И что ж? В *юдоли сей* страдалец *искони*...

К д р у г у (стр. 101—105)
(строфа 9)

Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты;

Чело открытое одной из важных Муз

И прелесть — девственной Хариты

(строфа 11)

...Цветок (увя!) исчез, как сладкая мечта.

Она в страданиях почила...

(строфа 14)

Напрасно вопрошал я опытность веков

И *Клии* мрачные скрижали

М е ч т а
(стр. 106—118)

...Или в полночный час

Он слышит скальдов глас

Прерывистый и томный.

..Волшебница моя! Дары твои бесценны

И старцу в лета охлажденны,

С котомкой нищему и узнику в цепях.

Заклепы страшные с замками на дверях,

Соломы жесткий пук, свет бледный

Изглоданный сухарь, мышей ^{пепелица,} тюремных ^{пища,}

Сосуды глиняны с водой,

Все, все украшено тобой!

было прежде: белым
снегом.

вместо: красавица.

Неудачно.

Невежество не-
простительное!

Библеизм не-
уместный.

звуки итальянские!

Что за чудотворец
этот Батюшков.

прекрасно!

Клио, как депо,
не склоняется. Но
это правило было бы
затруднительно.

Скальд и бард
одно и то же, по
крайней мере — для
нашего воображения.

какая дрянь

Послание Г. В - му
(стр. 138—141)

Тогда я с сильфами взлечу на небеса... вот сунуло куда!

Послание к Т - ву (стр. 142—145)

Но в мире он забыл жену
С грудным ребенком; и одну
Суму оставил им в наследство... Что за слог!
Но здесь не все для бедных бедство!..

Ответ Г - чу (стр. 146)

Твой друг тебе навек отныне Батюшков женится
С рукою сердце отдает... на Гнедиче!

Послание И. М. М. А. (стр. 160—6)

И день, чудесный день, без ночи, без зорь
зарей!..

В акханка (стр. 175—176)

И по роше раздавались может быть слиш-
Эвоэ! и неги глас! ком громкое слово

Странствователь и домосед
(стр. 208—229)

Как трудно быть своих привычек Стих не сказоч-
 властелином... ный, натянутый.
Такие завели друг с другом разговоры... они тут необходимо.
 Друг с другом —
 наречие, а не имена
 сущ.

1830(?). Из заметок на полях 2-й части «Опытов в стихах
и прозе» К. И. Батюшкова. Соч., т. XII, стр. 257—230.

Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь: я был далеко в обстоятельствах не благоприятных. По привычке полагали меня все еще очень молодым человеком. Первые неприязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатанию четвертой и пятой песни «Евг<ения> Онегина». Разбор сих глав, напечатанный в «Атенее», удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика: можно ли сказать *стакан шипит*, вместо *вино шипит в стакане*? *камин дышит*, вместо *пар идет из камина*? Не слишком ли смело *ревнивое подозрение*? *неверный лед*? Как думаете, что бы такое значило: *...мальчишки коньками звучно режут лед*?

Критик догадывался, однако, что это значит: мальчишки бегают по льду на коньках.

Вместо:

На красных лапках гусь тяжелый
(Задумав плыть по лону вод)
Ступает бережно на лед

критик читал:

На красных лапках гусь тяжелый
Задумал плыть —

и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках. <...>

Стих:

Два века ссорить не хочу

критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательной частицей, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: я не пишу стихов. Но в моем стихе глагол ссорить управляем не частицей не, а глаголом хочу. Ergo — правило сюда нейдет. Возьмем например, следующее предложение: Я не могу вам позволить пачать писать... стихи, а уж конечно не стихов. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю. <...>

Г-н Федоров в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5-ю главу, заметил однако ж мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицей Уж, что и называл он ужасами, а что в риторике зовется единоначатием. Осудил он также слово корова и выговаривал мне за то, что я барышень благородных и вероятно чиновных назвал девчонками (что конечно неучтиво), между тем как простую деревенскую девку назвал девою:

В избушке, распевая, дева
Прядет...

1830. Опровержение на критику. Соч., т. XI,
стр. 145—147, 149.

О ЯЗЫКЕ И СЛОГЕ НЕКОТОРЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

По твоём отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка — (вот почему он и ниже Ломоносова). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает оды, но не может выдерживать и строфы (исключая чего знаешь). Что ж в нем: мысли, картины и движения истинно поэтические; читая его, кажется,

читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей-богу, его гений думал по-татарски — а русской грамоты не знал за недосугом. Державин, со временем переведенный, изумит Европу, а мы из гордости народной не скажем всего, что мы знаем об нем (не говоря уж о его министерстве). У Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а прочее сжечь.

Из письма к А. А. Дельвигу. Первые числа (не позже 8) июня 1825 г. Соч., т. XIII, стр. 181—182.

Но ты слишком бережешь меня в отношении к Ж<уковскому>. Я не следствие, а точно ученик его, и только тем и беру, что не смею сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его. В бореньях с трудностью силач необычайный. Переводы избаловали его, изленили; он не хочет сам созидать, но он, как Voss, гений перевода.

Из письма к П. А. Вяземскому и Л. С. Пушкину 25 мая и около середины июня 1825 г. Соч., т. XIII, стр. 183.

В слоге г. Павлова, чистом и свободном, *изредко* отзывается манерность; в описаниях — близорукая мелочность нынешних французских романистов.

Из черновой рецензии на ст. Н. Павлова «Три повести». Соч., т. XII, стр. 9.

...Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова.¹⁵

1833—1834. Путешествие из Москвы в Петербург. Соч., т. XI, стр. 249.

А. С. ПУШКИН

1. Черновики статьи «Отрывки из писем, мысли и замечания», напечатанной в альманахе «Северные цветы» на 1828 г. (вышел в свет 22 декабря 1827 г.), не вошли в ее беловой текст. Пушкин цитирует статью Вяземского «Сочинения в прозе В. Жуковского», напечатанную в «Московском Телеграфе», 1826 г., № 5.

2. «Заметки и афоризмы разных годов» написаны в конце 20-х — начале 30-х годов. Приведенное высказывание относится к 1833 году. При жизни Пушкина большая часть не была напечатана.

3. В «Атенее» за 1828 г. № 4 был помещен разбор двух глав «Евгения Онегина». Пушкин написал возражение, но не напечатал, а отдельные замечания поместил в качестве примечаний при издании «Евгения Онегина».

4. «Метафизический язык... — язык философии, политики Пушкин, как явствует из высказывания, ставил и разрешал задачу создания единого, общенационального языка для всех отраслей науки и культуры. Неустанно совершенствуя поэтический язык, он дал и образы языка прозы в широком смысле: рассказа, повести, исторического романа, рецензии, полемической

статьи, исторического исследования и т. д. вплоть до изумительного эпистолярного русского стиля.

5. Речь идет о статье Вяземского «О разборе грех статей, помещенных в записках, написанных Денисом Давыдовым» («Московский телеграф», 1825, № 12). В «Евгений Онегин» в гл. 3-й, строфе XXIX сказано: «Мне галлицизмы будут милы...» — смысл замечания см. примеч. 8.

6. В письме Пушкин имеет в виду И. В. Киреевского и его журнал «Европеец».

7. «Разбойники» — первый замысел поэмы, от которой остался отрывок («Братья разбойники»).

8. «Без грамматической ошибки»... Пушкин восстает против «мертвой правильности», внешней безупречности, приглаженности языка эпигонской литературы 20—30-х годов. Но его заявление вовсе не обозначает пренебрежения к правильности в языке. Пушкин всегда настойчиво звал современных писателей учиться хорошему, правильному русскому языку, но для него истинная правильность, грамматические нормы определяются свойствами, духом родного языка.

9. В письме Пушкин говорит о трагедии Погодина «Марфа посадница». О языковой позиции Пушкина, выраженной здесь, см. примеч. 8.

10. Материал, приводимый в этом разделе, превосходно определяет позицию Пушкина в той борьбе, которая развернулась в первой четверти XIX века по вопросу о путях развития русского литературного языка. Пушкин — основоположник современного литературного языка. Он разработал и закрепил в литературе общенациональные нормы русского языка, обогатил и значительно приумножил достижения своих предшественников — выдающихся русских писателей — сокровищами живой разговорной речи народа. Он обогатил язык литературы огромным количеством слов, взятых из народной речи, сообщал нашему литературному языку дух народности. В последовательной и глубоко принципиальной борьбе по основным проблемам языка Пушкин считал родной язык, с его богатейшими возможностями, основой литературного языка, всегда защищал язык народа, как определяющий материал общенациональной, общелитературной нормы. Резко выступая против господствовавшего тогда в дворянской среде французского языка, он не менее решительно боролся и против пуризма «шишковистов», националистическая устремленность которых выявлялась в защите ими книжного, церковнославянского языка, как языка литературы.

Пушкин за то, чтобы не «мешать свободе богатого и прекрасного языка», он за обогащение языка, за расширение «иноплеменными словами» книжной и разговорной речи, в тех случаях, когда для обозначения некоторых предметов нет слов в коренном русском языке. Пушкин за свободу, за творческое дерзание, за смелость в языке; в лексике, в словообразовании, в сочетаниях, но он за свободу, оправданную природой и духом языка. Реформа же и нововведения, не соответствующие духу языка, по его мнению, столь же бесплодны, как и попытки удержать язык в каких-то определенных границах.

11. Здесь, как и в следующих двух отрывках, речь идет о поэме «Кавказский пленник», которая вышла в 1822 году.

В анонимной рецензии «Вестник Европы» (1823, CXXVIII, № 1) по поводу стихов:

Под влажной буркой, в сакле дымной
Вкушает путник мирный сон —

говорилось: «Ему бы легче скинуть влажную бурку и осушиться». Пушкин в антикритике, отвечая на это замечание, отстаивает правильность сказанного им. Он здесь, как и во всех приведенных нами отрывках, борется за ясность и точность словесного выражения.

12. Водопад — стихотворение Вяземского «Нарвский водопад».

13. Речь идет о комедии «Шекспировы духи». Письмо до Кюхельбекера не дошло в связи с событиями 14 декабря 1825 года.

14. Речь идет об ошибке Рылеева, допущенной им в думе «Олег Вещий». Об этом же писал Пушкин своему брату Льву от 1 января 1826 года. Он

требовал, чтобы в произведении на историческую тему был воскрешен минувший век во всей его истине.

15. Пушкин имеет в виду отказ Карамзина от усложненных синтаксических конструкций, от архаической лексики и фразеологии шишковистов, стремление Карамзина к простоте и естественности в построении фразы и что последний, особенно в «Истории Государства Российского» часто пользовался простонародными элементами в языке. Но Пушкин не только не являлся сторонником теоретических принципов и языковой практики Карамзина, а, наоборот, в решительной борьбе с ними разрабатывал принципы реалистической стилистики.